

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон
Карр

ЛОКОТЬ
САТАНЫ

«АЗБУКА»

Расследование ведет Генри Мерривейл

Доктор Гидеон Фелл

Джон Карр
Локоть Сатаны

«Азбука»

1965

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Карр Д. Д.

Локоть Сатаны / Д. Д. Карр — «Азбука», 1965 — (Доктор
Гидеон Фелл)

ISBN 978-5-389-33261-4

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». В 1933 году Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства читателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса». Ник Баркли, много лет проживший в Америке, неожиданно получает в наследство от дедушки особняк в английской провинции. Старинный дом, построенный еще в XVIII веке и расположенный в месте со зловещим названием Локоть Сатаны, овеян легендами и имеет довольно мрачную историю...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33261-4

© Карр Д. Д., 1965

© Азбука, 1965

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Диксон Карр Локоть Сатаны

John Dickson Carr

THE HOUSE AT SATAN'S ELBOW

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1965

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© В. А. Петров, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КЛЕЙТОНУ РОУСОНУ

Дорогой Клейт,

посвящаю тебе эту небольшую повесть, ведь нас обоих притягивает все хитроумное и невозможное. Ради лучшего правдоподобия действие по большей части разыгрывается в реально существующих местах. Вряд ли стоит добавлять, однако, что в Саутгемптонском университете нет Колледжа Уильяма Руфуса, а в Блэкфилде – больницы; и если пляж Лип-Бич можно увидеть своими глазами – для этого достаточно лишь сесть на автобус в Саутгемптоне, – то Локтя Сатаны и Грингроува, равно как и персонажей этой книги, не отыщешь ни в Хэмпшире, ни где-либо еще, кроме моего нездорового воображения.

Твой, как всегда,

Джон Диксон Карр

Лаймингтон, Хантс, сентябрь 1964 г.

Глава первая

Однажды июньским вечером, в пятницу, Гаррет Андерсон собрал вещи, вышел из своей квартиры в Хэмпстеде, сел в такси и велел ехать на вокзал Ватерлоо.

Предчувствовал ли он хоть в какой-то мере будущие события? Вполне возможно, ведь Гаррет был знаком с семейством Баркли и слышал про Локоть Сатаны.

Да потом еще эта необъяснимая история с Фэй Уорддор...

Ах уж эта Фэй! Давно пора забыть ее, навсегда выбросить из головы.

И все-таки...

Позавчера, в среду днем, в этой самой квартире зазвонил телефон. Гаррет стучал по клавишам машинки, звонок отвлек его посреди особенно трудного места – и он подскочил к телефону, сыпля проклятиями. Но после того как снял трубку, выражение его лица понемногу начало меняться.

– Привет, Гаррет, – раздался дружелюбный, смутно знакомый голос. – Не буду играть с тобой в угадайку. Это Ник Баркли.

– Ник! Как ты там?

– Лучше не бывает. А ты как, дружище?

– Я имею в виду, где ты сейчас?

– В Лондоне, само собой. Я не звоню просто так из Америки в Англию, как некоторые мои коллеги. Если быть совсем точным, я в отеле «Кларидж».

– Очередной мимолетный визит на родину?

– Ну да...

Гаррет Андерсон уставился на телефон.

– Помнится, до того как ты позвонил мне четыре года назад, летом одна тысяча девятьсот шестидесятого, – кстати, это тоже было в июне, – сказал он, – я не слышал и не видел тебя двадцать один год, с тех пор как мы были шестнадцатилетними мальчишками. В прошлый раз ты тоже объявился неожиданно, ну прямо как сейчас. Но и тогда мы провели вместе всего минут двадцать, от силы полчаса. Ты летел через Лондон и приехал из аэропорта в город, чтобы выпить со мной. А потом в страшной спешке, вместе со своим фотографом, умчался в Марокко – посмотреть, как арабы, получившие независимость в пятьдесят шестом, строят новую страну, и написать статейку для глянцевого журнальчика, который только что унаследовал. «Флэш», кажется, так он называется?

– Между прочим, Гаррет, очень неплохое издание.

– Ты опять приехал на один день?

Ник Баркли медлил с ответом.

– Нет, не на один день, – проговорил он наконец. – Но и надолго оставаться тоже не планирую. Надеюсь управиться за неделю-другую. Надо уладить семейное дело, довольно серьезное, из тех, которые я терпеть не могу. Но послушай, старый пень, ты что, закопался в пыльные архивы и совсем не читаешь газет?

– Разумеется, читаю. Да и к тому же смотрю новости по телевизору...

– Этот вечный телевизор... – произнес Ник с нескрываемой досадой. – Ладно, думаю, ты знаешь, что я унаследовал от отца и его компаньона Билла Уиллиса то, что называют журнальной империей, хотя в наши дни империи и вышли из моды. Это было в марте, когда отец умер от сердечного приступа.

– Сочувствую, Ник. Я очень огорчился, узнав о его смерти.

– Да, кстати... Спасибо тебе за письмо с соболезнованиями. Боюсь, я был очень занят и не ответил на него. Но я сейчас не об этом толкую. – В голосе Ника сквозило нетерпение. – Дело в том, что Кловис Баркли – это мой дед, если помнишь, – умер почти одновременно с отцом:

скончался в почтенном возрасте, восьмидесяти пяти лет, в марте этого же года. В общем, дружище, кажется, я попал в историю: на меня внезапно свалилось наследство, владеть которым у меня нет никакой охоты. Впереди маячат большие неприятности. И я совсем не хочу, чтобы они случились из-за меня. Не хочу, чтобы мой дядя Пен покончил с собой или же отчебучил еще что-нибудь в этом роде.

– Да объясни толком, что...

– Скажи, – тут же прервал его Ник, – мы можем встретиться и поговорить?

– Да, безусловно. Поужинаешь со мной сегодня?

– С радостью, Гаррет. Когда и где?

– Ну, например, в клубе «Теспис», около половины восьмого?

– Что еще за «Теспис»?

– Это в Ковент-Гардене, старейший театральная клуб Лондона. Вот что, приятель. Я, конечно, знаю, что ты живешь в Америке уже четверть века, с тех пор как твой папаша, Ник-старший, разругался с твоим дедом и, прихватив жену и сына, уехал из Англии. Но не говори мне, что журнальный магнат вроде тебя не найдет клуб «Теспис» в Ковент-Гардене.

– Ладно, старый хрыч. Спасибо и до скорого.

Гаррета Андерсона немало забавляло то, что он состоит в клубе «Теспис»: достойная сцена иронической комедии, в которую превратилась его жизнь. Будучи историком по образованию, он сочинял популярные биографии знаменитостей Викторианской эпохи, политиков и литераторов: эти книги, блестяще написанные, отмеченные остроумием и проницательностью, тем не менее почти не приносили дохода – пока его американскому агенту не пришлось в голову превратить «Жизнь Маколея» в бродвейский мюзикл.

Работу над сценарием поручили знаменитому дуэту «Хэлпин и Питерс», и те сделали все по своему вкусу. Историк и литератор Томас Бабингтон Маколей – сухарь, «книга в штанах», по меткому выражению Сидни Смита, – превратился в романтического героя, чья любовная связь с (вымышленной) дочерью графа вдохновила его на создание «Истории Англии» и особенно «Песен Древнего Рима». Леди Холланд, бывшая в начале царствования королевы Виктории супругой влиятельного политика и хозяйкой известного литературного салона, стала комическим персонажем; одну из ее песен, «Давно ли читал ты хорошую книгу?», завершающую спектакль, публика неизменно встречала овациями. Чувствительные сердца зрителей трепетали при звуках песни самого Маколея – «Птичка на ветке», – которую он исполнял для возлюбленной на террасе палаты общин. Так родился мюзикл «Особняк дяди Тома», действие которого происходило в 30-е – 40-е годы XIX века, в Лондоне политиков и литераторов.

Гаррет, которого пригласили в Нью-Йорк как автора первоисточника, видел, куда все идет, но был бессилён что-либо изменить: он уже подписал контракт. Разумеется, звучали отдельные недовольные голоса, но в целом критики были покорены, и «Особняк» имел оглушительный успех.

– Как ты можешь спокойно смотреть, – спрашивал Гаррета то один, то другой приятель, – на столь бесцеремонное обращение с фактами?

– Да, сперва меня это тоже корбило и я очень возмущался... Но потом все стало казаться, скорее, забавным. Если не можешь что-то изменить, просто посмейся над этим. И, кроме того...

И, кроме того, – Гаррет предпочитал не говорить об этом вслух, – фантастический успех мюзикла означал, что ему больше не придется думать о деньгах. «Особняк дяди Тома» подстегнул интерес к творчеству автора, продажи его ранних книг возросли, и теперь Андерсон мог работать над жизнеописаниями со всей необходимой тщательностью: издатели более не торопили его и не диктовали свои условия.

Итак, в сорок с небольшим лет – временами он говорил себе, не совсем искренне, что начинает ощущать свой солидный возраст, – Гаррет Андерсон мог считаться обеспеченным

человеком. Не то чтобы деньги сделали его счастливым, но тем не менее. Стройный, мускулистый, несколько беспечный и, пожалуй, излишне впечатлительный, он все же умел обуздывать свое едкое чувство юмора. Некоторые приятели даже считали его слишком чопорным.

– Согласись, Гаррет, – говорили они, – тебе неловко за «Особняк дяди Тома», хоть ты этого и не показываешь. Ты ведь, черт побери, викторианец до мозга костей.

Викторианец до мозга костей? Ха! Знали бы они про Фэй...

Но они про нее не знали, а сам Гаррет никому ничего говорить не собирался. Ну а историю с «Особняком дяди Тома» можно было отнести к разряду курьезов, забавных происшествий.

А вот в том, что случилось с его другом детства Ником и вообще с семейством Баркли, увы, ничего забавного не было. Такой вывод сделал Гаррет после того, как в среду, десятого июня, поговорил с приятелем по телефону и пригласил его в клуб «Теспис».

На юго-востоке Англии, там, где пролив Солент, отделяющий побережье Хэмпшира от острова Уайт, сужается чуть ли не вдвое, берег в одном месте образует плоский выступ, именуемый Локтем Сатаны, – происхождение этого названия затерялось во мгле веков. Правда, с самим Локтем Сатаны не было связано никаких зловещих преданий, зато Грингроув, загородный дом, построенный там в середине XVIII века довольно одиозным персонажем, судьей Уайлдфером, имел сомнительную репутацию. Гаррет Андерсон затруднялся сказать, в чем именно там было дело, ибо не знал подробностей. Так или иначе, вскоре после новоселья судья умер – вроде как не своей смертью, а Баркли купили дом у его наследников и с тех пор владели им на протяжении вот уже двух столетий.

Род Баркли не был старинным в общепринятом смысле этого слова. Первые Баркли, о которых имелись точные сведения, – расторопные, деловитые негоцианты с Севера – упоминались в документах начиная с 1795 года. Они разбогатели на поставке сапог для армии во время Наполеоновских войн, а затем, в течение всего XIX века, расчетливо вкладывая деньги, приумножили свои накопления – так что старик Кловис Баркли даже после Второй мировой войны, повлекшей рост налогов и многочисленные банкротства, оставался богатым человеком.

Еще в ранней молодости Кловис последовал семейной традиции и женился на барышне с хорошим приданым. В браке родились трое детей: два мальчика и девочка – Николас, Пеннингтон и Эстел, в 1900, 1904 и 1909 годах соответственно. Супруга Кловиса, женщина скромная и незаметная, покинула этот мир в начале двадцатых годов, оставив все свои деньги среднему сыну Пеннингтону.

С этого и начинается современная история.

Старый Кловис прочно вошел в роль главы семейства; более того, сделался сущим тираном, и иметь с ним дело было нелегко. Он плохо понимал, чего хочет, зато прекрасно знал – и неизменно объявлял об этом во всеулышание, – чего ему не хочется. Его любимчиком среди детей был крепкий энергичный Николас, будущий отец Ника, приятеля Гаррета Андерсона. Несмотря на это, а может быть, как раз из-за этого, отец и старший сын все время ругались. Николас хотел открыть собственное дело, что очень – ну просто очень – не нравилось отцу. Николас женился совсем молодым на бесприданнице, что решительно не понравилось папаше. Правда, Кловис безропотно покупал сыну гоночные автомобили; однажды Николас так сильно повредил ногу, что она уже больше не обрела прежнюю подвижность, однако старый Кловис ни словом не упрекнул его. Но чтобы сын зажил отдельно, сам думал о том, как содержать семью? Нет и нет!

А еще Кловис не выносил Пеннингтона, эстета с тонкой душевной организацией, которого всячески баловала покойная миссис Баркли, ибо считал его слабым и никчемным. На самом деле это было не так, но старик упорно стоял на своем. К Эстел, которая, казалось, была рождена старой девой, хотя и обладала жизнерадостным нравом, отец относился с безразличием.

– Эсси девчонка! – говорил он. – Кто-нибудь да позаботится о ней. Мне все равно.

Затем на сцену вышло следующее поколение. В конце тридцатых годов Гаррет Андерсон и Ник-младший, мечтавший тогда о карьере репортера, сдружились в Харроу¹. Трения между отцом и старшим сыном к тому времени перешли в жестокие стычки, мир же готовился к жестокостям совсем иного рода. Билли Уиллис, американец из Нью-Йорка, разглядел в Нике Баркли колоссальные способности. Он собирался основать небольшое издательство, которое со временем – если повезет – должно было крепко встать на ноги и начать выпускать несколько журналов. Уиллис забрасывал Николаса письмами, уговаривая приехать к нему. Последнее пришло незадолго до захвата Польши нацистами. Солнечным сентябрьским днем 1939 года, в воскресенье, началась война, завывли сирены воздушной тревоги. Назавтра Николас принялся обрабатывать отца.

– В действующую армию меня не возьмут, из-за этой проклятой ноги я в солдаты не гожусь, – заявил он, стоя посреди длинной мрачной комнаты – грингроувской библиотеки – и опираясь на трость. – А чем еще мне тут заниматься? Если я хочу чего-нибудь добиться в жизни, надо отправляться в Штаты. Ссуди мне тысячу фунтов, я верну их через полгода, а там поглядим. Что скажешь?

Кловис выполнил просьбу Ника. На свой манер. Он не ответил ему сразу, не выписал чек. Целую неделю отец раздумывал. А потом взял искомую сумму пятифунтовыми банкнотами в банке «Брокенхерст», сложил их в пачку и перевязал двумя резинками. Сделав это, он позвал Николаса в библиотеку. Там он не стал презрительным жестом протягивать сыну деньги через стол или бросать их ему под ноги. Нет! Он швырнул купюры в лицо Николасу.

– Вот твои деньги! – зарычал Кловис. – А теперь уматывай!

Сын в ответ схватил стоявшую на столе чернильницу, без малейших колебаний выплеснул ее содержимое в лицо дражайшему родителю и заорал:

– Да пошел ты к черту! Прощай!

Меньше чем через сутки Николас с женой и сыном отплыл на борту «Иллирии» из Саутгемптона в Нью-Йорк.

Остальное более или менее известно. Несмотря на войну, предприятие Уиллиса и Баркли процветало. Вначале Николас был просто полезным сотрудником, а позже сделался незаменимым. К концу Второй мировой он стал компаньоном владельца; число издаваемых ими журналов увеличилось с двух до четырех. В начале пятидесятых Николас выкупил долю своего делового партнера, ушедшего на покой, и теперь руководил выпуском двенадцати периодических изданий. Главными были два: «Флэш», иллюстрированный информационный еженедельник, и «Пипл», рассказывавший о личной жизни знаменитостей, но без неуместной вульгарности.

– Я знал, что отец взлетит, – любил повторять Ник-младший.

Родители определили Ника сперва в Готтсбург-колледж, штат Пенсильвания, – американский Харроу, – а потом в Принстонский университет. Видя склонность сына к журналистике, отец решил, что ему надо набраться опыта, и Ник несколько лет работал в разных журналах, после чего стал сотрудником «Флэша». Он приобрел известность как специальный корреспондент: если что-нибудь случалось, Ник был тут как тут. Обладая легким характером, он быстро сближался с людьми, пряча свою истинную сущность под маской цинизма, как и полагается репортеру. Одним словом, он обрел свое призвание.

А что же творилось тем временем на английской земле, в Локте Сатаны?

Рассерженный отъездом Николаса, Кловис повел себя вполне предсказуемо. Он был зол на сына не меньше, чем тот на него: вернув отцу тысячу фунтов с набравшими процентами, Николас прекратил отношения со стариком. Твердый как камень, Кловис постановил, что отныне имя Николаса не должно произноситься в его доме: у него больше нет старшего сына.

¹ Харроу – известная частная школа для мальчиков.

Несмотря на все свое недовольство Пеннингтоном, сердечным, образованным и учтивым, он понимал, что фамильное состояние должно остаться в руках Баркли. Поэтому Кловис позвал нотариуса Эндрю Долиша, человека весьма толкового и трезвомыслящего, хотя и не лишённого чувствительности, который верно служил семейству Баркли, так же как до этого его отец и дед на протяжении столетия с лишним. Ровесник Пеннингтона, Долиш был мужчиной важным и суровым, напоминая этим старика Баркли. В своем завещании, испещренном комментариями, которые нотариус тщетно старался убрать оттуда, Кловис оставлял все Пеннингтону. Преданная Эстел в нем даже не упоминалась.

Шли годы. Чувствуя близость смерти, Кловис делался все более замкнутым и молчаливым. И вдруг...

Ранней весной 1964 года у Николаса Баркли, по-прежнему еще крепкого и сильного, случился сердечный приступ в спортивном зале, когда он взбирался по канату. Через несколько часов он скончался, чуть-чуть не дожив до шестидесяти четырех лет. Чуть позже, в марте того же года, старый Кловис, гуляя в грингроувском саду на ледяном ветру, подхватил воспаление легких и вскоре уже лежал рядом со своими предками на кладбище в Больё. Но, как оказалось, это был не конец истории с наследством, а еще только ее начало.

Гаррет Андерсон знал обо всем этом. Внезапная смерть Николаса-старшего наделала шуму, о ней написали все британские газеты; Кловис же удостоился лишь короткого некролога в «Таймс». До Гаррета дошли также слухи о том, что Пеннингтон, дядя Ника, заполучил не только все отцовские деньги – в которых абсолютно не нуждался, – но и обожаемый им Грингроув. Ник, в свою очередь, унаследовал журнальную империю.

Любовь Пеннингтона Баркли к Локтю Сатаны всегда была для Гаррета настоящей загадкой. Он побывал там лишь однажды, по приглашению Ника, много лет назад. Поместье произвело у него гнетущее впечатление. Несмотря на красивую местность и все современные удобства, которые имелись в доме, Грингроув выглядел мрачно. Когда спускались сумерки, все время хотелось оглянуться – «кто там?». В комнатах и коридорах, отделанных с ледяной роскошью, гуляли сквозняки, и казалось, что им уже несколько столетий.

Гаррет понимал, что не стоит исходить из детских впечатлений. Он ведь был тогда мальчишкой, мало ли что ребенку померещится. Да и вообще, зачем судить столь категорично?

Тем не менее, разговаривая с Ником в среду, десятого июня, по телефону, он ощутил, как по спине у него бегут мурашки. Он толком не понял, что случилось в Грингроуве, но Ник, вечно строивший из себя циника, на сей раз, похоже, и впрямь был не на шутку обеспокоен – и, судя по его словам, будущее не предвещало ничего хорошего. Твердо решив не опаздывать на встречу, Гаррет выехал из дома с большим запасом времени, потом кружил полчаса по Ковент-Гардену в поисках места для парковки (подобное, увы, стало в Лондоне обычным делом) и появился в «Тесписе» незадолго до половины восьмого.

Ника еще не было. Наконец, без четверти восемь, тот вошел в маленький бар на первом этаже, украшенный портретами театральных деятелей XVIII века в золоченых рамах. Внутри было почти пусто: только они двое да еще бармен. За последние двадцать пять лет Гаррет видел старого приятеля лишь однажды, но не сомневался, что узнает его где угодно. Ник, как всегда, выписывал одежду из Лондона. Черные волосы, квадратная челюсть, горящие глаза; он был высоким, как все Баркли, но, в отличие от деда, отца и даже дяди, с годами слегка поправился.

– Привет! – бросил он.

Они обменялись сердечным рукопожатием. Гаррет заказал мартини, взял на стойке бокалы и поставил их на стол. Приятели уселись друг напротив друга и чокнулись. Ник чуть ли не залпом проглотил свой мартини. Расправив плечи – стало видно, что под глазами у него залегли глубокие тревожные морщины, – он пристально поглядел на своего визави.

– Ну, выкладывай, старина, – сказал Ник.

Глава вторая

- Что выкладывать? – не понял Гаррет.
- Выкладывай, как дела, старый пень. С тех пор как мы виделись в последний раз, ты, кажется, стал знаменитостью?
- Это произошло совершенно случайно.
- Да какая разница? Зачем оправдываться? «Особняк дяди Тома» – отличный мюзикл, и не важно, сколько там твоего. Я ходил на него два раза. Поздравляю! Когда ждать лондонской постановки?
- Не скоро, а может, и вовсе никогда. Цензура не пропускает.
- Гаррет заказал еще по бокалу. Оба закурили.
- Кто бы мог подумать, что старик Маколей окажется эффектным киношным героем? – ухмыльнулся Ник. – Как там писал про него Литтон Стрейчи: «Вот он – коренастый, безукоризненно одетый, безостановочно говорящий – на своем Парнасе». А с чего это цензоры вдруг придрались к нему?
- Если помнишь, во втором акте он схлестывается с вице-королем Индии: сперва произносит длинную речь о демократии, а потом затягивает дерзкую песенку – не помню ее названия.
- «Ах, не ущемляйте их, король, как бы вас за это не убили». Насвистеть мотив?
- Спасибо, не надо.
- Все-таки я не понимаю, Гаррет. Против чего ополчились цензоры?
- Вице-король в «Особняке дяди Тома» выглядит законченным мерзавцем: он подвергает индусов телесным наказаниям и вообще всячески их третирует во славу Британской империи. А ведь этот человек действительно существовал, у него есть потомки. Нужен вымышленный персонаж, иначе цензоры не пропустят пьесу.
- Жаль. Однако я спрашивал у тебя, как жизнь. Ты не обзавелся семьей?
- Пока еще нет. А ты женат, как мне говорили.
- Был женат. – Ник с глубокомысленным видом выпустил клуб дыма. – Да, был... Брак оказался неудачным. Мы с Ирмой давно расстались, и с тех пор я довольствуюсь легкими интрижками. «Поиграл и удрал» – вот мой девиз, хотя в нем нет ничего оригинального. Время бежит, Гаррет, – мрачно добавил он. – Если я не буду следить за собой, то скоро располнею. Да и волосы редуют, как ты наверняка уже заметил. Ну а ты, старина, в отличной форме. Худой как щепка, густая копна волос... Везет тебе, поганец!
- Они снова чокнулись.
- Везет? – повторил Гаррет. – И это говорит сам Баркли, акула газетного мира? «О да, я владею несколькими изданиями, но по-прежнему сам делаю репортажи, если сюжет меня интересует».
- Похоже на цитату из «Тайм».
- Угадал. Я читал про тебя статью в «Тайм»: фотография на обложке и все, что полагается.
- Представляю, как они злились, когда рекламировали конкурента. Но все-таки повели себя по-джентльменски... А ты ведь был на премьере «Особняка дяди Тома» в Нью-Йорке? Почему не связался со мной?
- Я попытался, но мне сказали, что ты за границей.
- Да, точно: осень шестьдесят второго, кубинский кризис... Но и я повел себя непростительно.
- Хватит уже, Ник. Перестань ломать комедию. Когда ты позвонил днем, то сказал, что у тебя неприятности. Вываливай!

– Надеюсь, ты говоришь это не просто из вежливости? Поможешь мне, дружище, как в былые времена?

– Ну конечно помогу.

Ник мигом посерьезнел, улыбка буквально сползла с его лица. В баре, как всегда, было очень жарко. Лучи солнца пробивались сквозь неплотно задернутую занавеску, касаясь левого уголка его глаза. Друг детства Гаррета нервно допил вино и загасил сигарету.

– В общем, так... – начал он. – Обычно за двадцать пять лет люди становятся чужими друг другу. Но у меня нет ощущения, что я сейчас говорю с чужим человеком. Я полагаюсь на тебя и на Эндрю Долиша...

– Это ваш семейный нотариус, если не ошибаюсь?

– Именно. Будучи по натуре человеком довольно-таки подозрительным, я могу открыться только вам двоим. Ты прав, дружище, у меня неприятности. В Грингроуве кое-что случилось, это касается дяди Пена и тети Эсси. Надеюсь, я смогу все исправить.

– И что же стряслось в Грингроуве?

– Там появились призраки, – объявил Ник, вставая из-за стола.

– Призраки? Seriously?

– Во всяком случае, так говорят. Но это еще не все. Новое завещание. Таинственные женщины из плоти и крови, которые появляются, а потом исчезают, словно их и не было!

– Таинственные женщины из плоти и крови, которые появляются, а потом исчезают, словно их и не было? – озадаченно повторил Гаррет. – Что ты хочешь этим сказать, черт возьми?

– Никак я задел тебя за живое? – спросил Ник, и рот его искривился в улыбке.

– В смысле?

– Ты как-то странно повел себя в ответ на вопрос, женат ли ты. Небось завел себе пассию, как выражаются твои коллеги с Бродвея?

– Ну-у...

– Блондинка, да? Помнишь малышку Милли Стивенс, которая жила неподалеку от тебя в Уотфорде? Ты здорово в нее втрескался, когда нам было по пятнадцать лет. Милли была блондинкой, и ты поклялся...

– Блондинка, брюнетка – какая разница? И при чем тут вообще моя личная жизнь? Расскажи лучше, что происходит, Ник. Из-за чего ты так переживаешь? Еще по бокалу?

– Нет, спасибо. Что-то мне нехорошо. Я почти ничего не ел и не хочу опьянеть.

– Как угодно. А теперь сядь и расскажи мне обо всем.

– Кажется, я писал тебе, – сказал Ник, усаживаясь и доставая сигарету, – что, после того как мой папенька поднял паруса и отчалил, он не поддерживал никаких отношений со своим семейством и особенно с дражайшим дедом?

– Да.

– Это не совсем так. Мой отец отослал Кловису тысячу фунтов с процентами и больше никогда не писал ему. Я тоже, Бог свидетель. Но тетя Эсси временами присылала письмецо моей матери, и та вежливо ей отвечала. Это случалось нечасто: раз в год или в два. Но мы всегда знали, что делается в нашем английском поместье. Старый Кловис, о котором лучше бы вообще не упоминать...

– Между прочим, мы с ним как-то встретились, много лет назад, и он показался мне не таким уж страшным. Джентльмен как джентльмен.

– Ну да, если не перечить ему... Впрочем, это можно сказать о любом из нас. – Ник закурил и пристально воззрился на собеседника. – Поверь мне, Гаррет, это был ужасный человек. Все мы, Баркли, чего уж греха таить, люди неуравновешенные, даже слегка безумные, но мой дед выделялся и среди нас. Он становился другим только по случаю чьего-нибудь дня рождения, когда мы устраивали маленькую церемонию. Не спрашивай какую, но я знаю, что она про-

водится и по сей день. А в остальное время все домашние страдали от его вечных капризов и приступов гнева. Это было невыносимо уже тогда, когда я жил в Грингроуве с родителями. Но потом... Мать честная! Возьмем письма тети Эсси: для нее старик был Господом всемогущим, но, если читать их между строк, становилось понятно, как обстоит дело. Он превратил жизнь своих близких в сущий ад. Хуже всего приходилось дяде Пену.

– Однако он тем не менее получил все отцовские деньги, – вставил Гаррет.

– Да, так гласило составленное в сорок восьмом году завещание, которое хранится у Эндрю Долиша. Кловис не делал из него тайны. «Ты не заслужил этого, Пеннингтон, но ты – мой сын». Эсси тоже знала про завещание и, между прочим, считала, что Пеннингтон не заслуживает этого.

Ник замолчал, окруженный клубами дыма и мириадами пылинок.

– В детстве я очень любил дядю Пена, – произнес он так, словно бы оправдывался. – И до сих пор люблю. Чертовски славный малый. Не хочу, чтобы за его спиной обстрипывали всякие темные делишки, а уж тем более – чтобы его оставили в дураках.

– Так, стало быть, его обманывают?

– Подожди, дай договорить, и все узнаешь.

– Извини. Продолжай.

– В детстве я очень любил дядю Пена, – повторил Ник. – Он был необычайно артистичным. Обожал театр и отдал бы все, чтобы войти в эти круги. Когда я был совсем еще мальчишкой, он обращался со мной, как со взрослым, а это лучшее средство подружиться с ребенком. Дядюшка всегда находил время, чтобы поболтать со мной. Боже, сколько он говорил! И как! Рассказывал мне всякие истории, большей частью о привидениях, довольно страшные. Он не верил в сверхъестественное, сама мысль о возвращении покойников вызывала у него ироническую улыбку. Но дядя Пен из тех людей, которые тянутся ко всему необъяснимому. Хорошо помню, каким он был тогда: стройный, как ты, нет, даже хрупкий, и к тому же болезненный. Он расхаживал по саду, читая наизусть стихи: Китса, Донна, Шекспира. А я в то время считал поэтами Киплинга и твоего любимого Маколея, с его «Горацием у моста». Ну а Кловис просто ненавидел и поэзию, и театр. Как мы узнали впоследствии, дядя Пен втайне восхищался своим братом, который сумел дать отпор отцу.

– А твой дядя никогда не пытался бунтовать?

– Трудно сказать. Подростки, конечно, многое слышат, но они плохо понимают своих взрослых родственников, те кажутся им непредсказуемыми, чуть ли не существами с другой планеты. Я лишь намного позднее стал интересоваться дядей Пеном и выудил кое-что из родителей. Так вот, похоже, за много лет до нашего отъезда в Америку Пен все-таки бросил вызов отцовской власти. Это случилось весной двадцать шестого года. Я тогда еще, как говорится, под стол пешком ходил, а Пену было двадцать с небольшим. Моя бабушка умерла в двадцать третьем, оставив ему кругленькую сумму. Однажды, когда дед в очередной раз разбушевался, Пен поругался с ним и даже с Эсси, невозмутимо собрал чемодан и ушел из дома. Потом стало известно, что он снял виллу в Брайтоне и живет там с какой-то актрисой – я так и не узнал ее имени. Господи Иисусе! – Ник развел руками. – Представляешь, в какой ужас пришел Кловис, как огорчилась несчастная Эсси? Но эскапада оказалась непродолжительной. Слишком уж велико было притяжение отчего дома или чего-то еще, не знаю. В сентябре того же года Пен бросил свою актрису, вернулся в Грингроув и на время вновь сделался послушным сыном.

– На время?

– Ну да, если можно так выразиться. Теперь перенесемся на тридцать с лишним лет вперед. Итак, на дворе у нас лето пятьдесят восьмого года. Кловис давно уже составил свое завещание, в Грингроуве стало если не лучше, то хотя бы спокойнее. И вот дядя Пен, которому уже пятьдесят четыре, женится – внезапно, не извещая никого.

– Женится?!

– Да, именно так. Причем на женщине двадцатью годами моложе него.

Услышав эти самые обычные вроде бы слова, Гаррет вдруг почувствовал, будто его ударили кинжалом в сердце. Казалось, стены прокуренного зальчика обрушились прямо на него.

– На женщине двадцатью годами моложе? А как ее зовут, Ник? Кто она такая? И как выглядит?

– Черт возьми, я не в курсе таких подробностей! Откуда мне знать, как она выглядит?

– Успокойся, Ник.

– Знаю только, что ее зовут Дидри. – Ник потушил сигарету. – Еще могу прибавить, что она из очень хорошей семьи. Правда, обедневшей, но в остальном вполне достойной. С этим согласен даже Долиш. «Очаровательная девушка, – заявил он мне, – и такая скромная. Осмеюсь заметить, что она благотворно влияла на Пеннингтона и на вашего деда». Насколько мне известно, дядя Пен познакомился с ней на концерте. Они поженились тайно, как мои родители в двадцать втором, а потом Пен привез ее в поместье.

– И что сказал Кловис?

– А что он мог сказать? Перед ним стояла приличная, по всем признакам, девушка, а Пен был уже далеко не молод. Не думай, что все шло гладко, ты же знаешь Кловиса. Но он, похоже, смирился с присутствием Дидри и даже стал не таким невыносимым, как раньше. Слушай дальше, не перебивай. Мы приближаемся к последнему акту пьесы: сейчас будет взрыв! Как ты помнишь, двадцатого марта этого года у моего отца случился в спортивном зале сердечный приступ, и через несколько часов он умер в пресвитерианской больнице. Всю следующую неделю мы хлопотали о похоронах и улаживали разные дела. И тут матери вдруг приходит письмо от тети Эсси. «Мне больно писать об этом, но мой дорогой отец скончался во вторник. Не печальтесь, он покоится с миром». Ну, насчет того, что с миром, я бы не был так уверен: Кловис прогуливался по усадьбе, когда дул сильный восточный ветер, рассердился на одного садовника, начал орать что было сил, вот и заработал воспаление легких. Медицина теперь шагнула далеко вперед, но пневмония в восемьдесят пять лет – дело нешуточное. Так или иначе, Кловис умер и перестал мучить остальных... как мы думали. А потом внезапно взорвалась та самая бомба, про которую я тебе говорил. В середине апреля из Англии пришло новое письмо. Адресованное уже не матери, а мне. Не слезливые излияния тетушки Эсси, а длинное официальное послание из Лаймингтона, от адвокатской конторы «Долиш и Долиш». После долгого обмена заказными письмами ситуация наконец прояснилась. В Грингроуве поднялся переполох: обнаружилось новое завещание.

– Новое завещание?

– Ну да, нотариально не заверенное, но написанное рукой Кловиса и, безусловно, имеющее законную силу. Как видишь, мой дед все это время вынашивал планы мести и ждал своего часа. Он составил завещание и положил бумагу туда, где ее рано или поздно нашли бы. Разыгралась драма, о которой я знаю очень мало. Если коротко, новое завещание, составленное в пятьдесят втором году, отменяло старое. Дядя Пен лишился наследства, о тете Эсси, как и прежде, ни слова. Все, чем владел Кловис на день смерти: деньги, титулы, имущество, включая, само собой, Грингроув, – он завещал, без всяких условий, старшему сыну Николасу Ардену Баркли, а если бы вдруг оказалось, что его уже нет в живых, то... то...

– Кому же?

– Мне! – прорычал Ник. – Цитирую: «Моему возлюбленному внуку Николасу Ардену Баркли-младшему, в надежде, что он окажется лучше своего отца, и в уверенности, что он окажется лучше своего дяди». Понимаешь, дружище? Ты хоть раз слышал о чем-нибудь подобном?

Старое здание клуба в южном Ковент-Гардене сотряслось, когда над ним пролетел реактивный лайнер; портреты в золотых рамах тихо задрожали. Ник Баркли вскочил и, подавляя волнение, показал на два пустых бокала.

– Послушай, Гаррет! Я не могу предлагать тебе выпивку в клубе, членом которого ты являешься, даже заказывать здесь что-нибудь. Если твое предложение все еще в силе...

– Прости. Фред, еще одну порцию!

Бармен смешал коктейли, украсил их как полагается, подал и незаметно удалился. Ник с серьезным, многозначительным видом положил одну руку на барную стойку, а другой поднял бокал.

– Твое здоровье, Гаррет!

– Твое здоровье, Ник!

– Видишь, Гаррет? Старый скупердяй оставил все мне, хотя я не нуждаюсь в этих деньгах, не желаю их и не приму. Вот почему я и приехал сюда: чтобы покончить с этим.

– Ясно. И что именно ты намерен предпринять?

– Дьявол тебя раздери, Гаррет! Неужели не понятно? Думаешь, я сплю и вижу, как бы все присвоить? Сначала я отдам тете Эсси то, что ей причитается по праву, после чего дядя Пен получит свою долю. Что бы о нем ни говорили, Пен вовсе не скряга. Когда дядя еще считался законным наследником, то есть на протяжении почти целого месяца, он распорядился, чтобы сестра получала ежегодную ренту в три тысячи фунтов. Если это их обоих устраивает, я не стану ничего менять. Большая часть наследства, включая Грингроув, отойдет к Пену. Он живет прошлым и очень любит этот дом. Долиш предупредил, что придется повозиться с документами, но проблема вполне разрешима.

– Так ты уже говорил с Долишем?

– Звонил ему сегодня утром, сразу по приезде. У нас уже накопилась обширная авиа-корреспонденция. Завтра нотариус приедет в Лондон и расскажет мне обо всем. Кстати, не хочешь отправиться на выходные в Грингроув – оказать мне моральную поддержку? Я еду туда в пятницу, вечерним поездом с вокзала Ватерлоо.

– С удовольствием. А для чего тебе понадобилась моральная поддержка?

– Мне страшно, старина. С тех пор как нашли второе завещание – в кувшине с табаком, – Грингроув стал настоящим осиным гнездом. Между прочим, документ обнаружила тетька Эсси... Дядя плохо себя чувствует. Ходит по комнатам в старомодном домашнем пиджаке, какие носили лет шестьдесят назад. Насколько мне известно, в поместье даже нет домашнего врача. Когда дядюшка узнал, что больше не хозяин в Грингроуве, мир для него рухнул. – Чувствовалось, что Ник тщательно подбирает слова. – Ясное дело, бедняга переживает, он всегда был очень ранимым, а теперь превратился в настоящего невротика. Я, признаться, боюсь, что он может потерять голову и сделать какую-нибудь непоправимую глупость – например, пустить себе пулю в висок, если вдруг решит, что его сейчас выкинут из дома вместе с вещами. Когда я писал адвокатам несколько недель назад, то сразу же попросил заверить дядю Пена, что он сохранит за собой Грингроув, свое законное владение. Надеюсь, этот вопрос улажен. И все-таки жена очень беспокоится за него. Но разве можно ее осуждать?

– Нисколько.

– Вот именно. Но и это еще не все.

– Что же еще случилось?

– Разве я не говорил? Так называемый призрак! После того как нашли второе завещание, кто-то бродит по дому и самым необъяснимым образом откальывает возмутительные номера.

– Минуточку, Ник! Уже не хочешь ли ты сказать, что Кловис восстал из могилы?

– Господи, нет, конечно!

– Тогда что же происходит?

Ник поднял свой бокал к висевшему на стене портрету Дэвида Гаррика в роли Макбета.

– Надо же, и тут восемнадцатый век! – воскликнул он. – Между прочим, сэр Хорас Уайлдфер, судья Уайлдфер, старый развратник, построил Грингроув двести лет назад. Но вот зачем он разгуливает по дому именно сейчас? Я знаю об этом ровно столько же, сколько ты.

– Но ты ведь не веришь в то, что это и впрямь призрак?

– Конечно нет! И дядя Пен не верит, и Энди Долиш тоже. Кто-то выдает себя за привидение, только и всего. Но кто? Зачем? И как он это проделывает? Призрак проходит сквозь стены, сквозь запертые двери! Подходящее дело для твоего приятеля Гидеона Фелла, о котором ты не раз упоминал в письмах. Кстати, как он поживает?

– Постарел, как и все мы, но не утратил остроты ума. Он и его друг Эллиот, который стал человеком номер два в Департаменте уголовного розыска, иногда делают мне честь, заходя поболтать.

– Ну вот, Гаррет, теперь ты знаешь все. В Грингроуве сейчас все кувырком. Кухарка и служанки грозятся уволиться, Дидри на грани нервного срыва, тетя Эсси подавлена. Короче, как бы чего не случилось!

– Я понял тебя. Еще по бокалу перед обедом?

– Почему бы и нет? Лучше уж выпить, чем пребывать в таком вот состоянии. Эй, Фред! Затаившийся где-то бармен тут же материализовался, смешал коктейли, разлил их по бокалам и снова исчез. Из-за барной стойки поднялся клуб дыма.

– И ты еще спрашиваешь, почему мне нужна моральная поддержка! – продолжил Ник, жадно глотая спиртное. – Призрак тут ни при чем. Мне плохо от всей этой истории. Я возвращаюсь в дом, который по праву принадлежит другому человеку, однако завещан мне, и теперь вроде как все зависит от моего великодушия...

– Ты поступаешь очень благородно, Ник.

– О чем ты говоришь! Я поступаю по справедливости, не более того. Что еще я могу сделать, Гаррет? Мой дядя абсолютно равнодушен к деньгам, да к тому же ему их и так вполне хватает. Но я не могу допустить, чтобы он потерял свой драгоценный Грингроув, даже если... – Ник прервался на полуслове.

– Даже если что?

– Ничего. Я просто выпил лишнего, вот всякая дурь в голову и лезет.

– Нет, Ник, выпивка тут ни при чем. Что тебя тревожит?

– В смысле?

– Я же вижу: есть что-то еще, что мучает тебя больше всего остального, но ты не хочешь признаваться. В чем дело?

– Эй, Гаррет, так не пойдет! Нечего перекладывать с больной головы на здоровую.

– Не понял. О чем ты говоришь?

– Да о том, что это тебя что-то мучает и грызет изнутри. Я же видел, как ты насторожился, когда я заговорил о таинственных женщинах, а уж когда упомянул о большой разнице в возрасте между Пенем и его женой, все стало совершенно ясно. Расскажи мне правду, облегчи душу. Давай, великий историк и биограф! Вперед, мой викторианский проказник! Разве ты не хочешь кое-чем со мной поделиться?

Гаррет немного подумал, а потом кивнул:

– Да, пожалуй, хочу... Но только все останется между нами, обещаешь?

– Ну конечно, Гаррет! Клянусь!

Невидимые демоны тоски слетелись и забили общий сбор. Дэвид Гаррик, Сара Сиддонс, все театральные знаменитости, от XVIII столетия до Викторианской эпохи, строго глядели на Гаррета из своих рам – немые свидетели, застывшие в церемонных позах. Он зажег спичку, и огонек ярко вспыхнул в полумраке.

– В сущности, пустяки, теперь все уже позади, но тогда это много значило для меня. В мае прошлого года, закончив возиться с биографией Дизраэли, я поехал в Париж, чтобы немного отдохнуть.

– Ну и правильно сделал. А что было дальше?

Гаррет вновь углубился в воспоминания.

– Что было дальше? Ты верно догадался, приятель: я встретил женщину...

Глава третья

Итак, ранним вечером двенадцатого июня, в пятницу, Гаррет Андерсон взял чемодан, вышел из своей квартиры в Хэмпстеде, сел в такси и отправился на вокзал Ватерлоо. Хотя солнце уже клонилось к закату, было жарко.

Машина промчалась по Росслин-Хилл и Хэверсток-Хилл, в Кэмден-Тауне свернула налево, в сторону Блумсбери, миновала новую станцию Юстон, затем через Рассел-сквер, Олдвич и Стрэнд доехала до моста Ватерлоо и далее – до одноименного вокзала. Улицы были забиты автомобилями: поскольку недавно ввели новые правила, запрещающие поворачивать налево или направо там, где водитель сочтет это удобным для себя, всем приходилось постоянно останавливаться на красный свет.

Но Гаррет не обращал внимания на пробки, размышляя о том, что он рассказал Нику Баркли в среду вечером, – вернее, о том, чего он ему не рассказал. Решив поведать старому другу о своем приключении с Фэй, Гаррет вмиг стал косноязычным – «заторможенным», как насмешливо заметил Ник, – и его история получилась краткой и невыразительной, как отчет семейного адвоката.

Гаррет вздохнул. Даже если бы он и захотел выложить все начистоту, то это вряд ли бы ему удалось.

Сейчас, сидя в такси, он принялся вспоминать все с самого начала, перенесшись на год с небольшим назад.

Прекрасный майский день, позднее утро; самолет держит курс на Париж. Рядом с ним, возле иллюминатора, сидит милая задумчивая девушка, совсем молоденькая и невинная. На вид лет двадцать, ну, может, двадцать один. Она задала ему какой-то вопрос насчет полета.

Гаррет повернул голову, чтобы ответить, и встретил робкий, осторожный взгляд темно-синих глаз: попутчица смотрела на него простодушно, но при этом внимательно. Он увидел пышущее здоровьем лицо, великолепные светлые волосы, спускавшиеся до плеч. Девушка, стройная, но крепкая, была облачена в легкий дорожный костюм из твида. Перед посадкой в аэропорту Орли они уже болтали так, точно были знакомы сто лет.

Девушка сказала, что ее зовут Фэй Уорддор, что она получила небольшое наследство и бросила работу (какую именно, не уточнила). Все деньги она собирается потратить на путешествие по Европе – десять дней в Париже, неделя в Риме. А в июне устроится в другое место. Оказалось, что они будут жить неподалеку друг от друга: он – в своем любимом «Мёрисе», она – тоже на улице Риволи, в большом, но далеко не таком роскошном отеле.

– Отель «Сент-Джеймс и Олбани», вот так-то! – смеясь, объявила Фэй. – Звучит по-дурацки!

– Да уж. Отель имени святого и герцога – это надо же такое придумать!

– У них у всех какие-то невозможные названия, правда?

– Ага, например «Мармеладка и вселенная»...

– Но я не могу судить по собственному опыту. Я еще никогда не путешествовала и очень плохо изъясняюсь на французском, который знаю лишь в пределах школьной программы.

– Не хотите этим вечером попрактиковаться в языке? Я приглашаю вас в театр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.